

Папуасские пентхаусы

Визит в один из последних первобытных уголков планеты

• ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА •

Мне посчастливилось побывать в Западной Папуе, пока один из последних первобытных уголков планеты не ушел в историю. Как это уже случилось с индейским племенем яномами в тропиках Венесуэлы и коренными жителями Андаманских островов – воинственными джарава, без раздумий стрелявшими по пришельцам из луков. Сегодня они утратили самобытность, культура туземцев обречена. Папуасы племени короваи не менее воинственны и строят жилища на макушках пальм, но даже там им не скрыться от влияния западной цивилизации.

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ

ПОЛЬСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПИСАТЕЛЬ – СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ТРУДА»
WWW.PALKIEWICZ.COM

В начале 1980-х в русле реки Бекинг появились первые голландские миссионеры, одержимые идеей обратиться в новую веру жителей отрезанного от мира района. Они основали селение Янирума, где появились протестантская церквушка, крытое жестью здание школы, амбулатория, торговая лавка и барак аэропорта. Эти примитивные строения в глазах туземцев представлялись чудесами света. Вскоре короваи стали не только охотно пользоваться благами цивилизации в виде железного топора, фонарика и спичек, но и одеваться, как белые люди. В последующие годы на карте появились очередные форпосты: Яфуфла, Манггел, Мабул, а в них – новые поселенцы, пленники прогресса.

Я видел их в Мабуле. Эти люди совершенно забыли о своей прежней жизни, но не встроились в новую. Они бесцельно слоняются по селению, одетые в дырявые футболки, грязные шорты и вязаные лыжные шапочки. Напоминающие наивных подростков, туземцы предлагают на продажу единственный доступный им товар – свою повседневную жизнь, практические навыки и культуру, к сожалению, уже утратившие аутентичность. Когда на ухабистом лесном аэродроме садится легкомоторный самолет, туристов окружает толпа аборигенов. Для них появляется возможность подзаработать, позируя перед объективами обнаженными, с копьями и луками. Довольно бойко

ФОТО АВТОРА

идет торговля этническими сувенирами, особенно головными уборами из перьев райской птицы.

Мы ищем туземцев, оставшихся в джунглях. Ботинки скользят по вязкой глине, я стараюсь не споткнуться о сплетения корней. Местами бреду по колено в воде или проваливаюсь в смердящую трясину. Через бурные ручьи приходится перебираться по стволам упавших деревьев. На третьем часу пути видим румах тинги – хижину метрах в 20 над землей, а точнее, ее остатки, едва заметные в кронах. Обитатели «пентхауса» покинули насиженное место, когда поблизости не осталось саговых пальм – основного источника питания короваев. А хижина спустя пару лет сама пала жертвой прожорливых джунглей.

Спустя час добрались до обитаемого поселения. Разместились в одном из шалашей на невысоких сваях, который служит хозяевам вспомогательной кухней. Рядом стоят хижины, где временно проживают женщины в период месячных и матери с новорожденными детьми. Им полагается жить вне общины, поскольку менструация и роды, по верованиям язычников, открывают путь злым духам в тело человека. Коровай – анимисты, и все верования их связаны с духами и призраками, которыми они населяют окружающий мир.

Предводитель клана Титус с воинственной, испещренной прыщами физиономией жестом приглашает в свой дом, висящий в кронах на высоте восьмого этажа. Туда как раз поднимается одна из женщин. С удивлением наблю-

Папуасы племени короваи встречают по одежке.

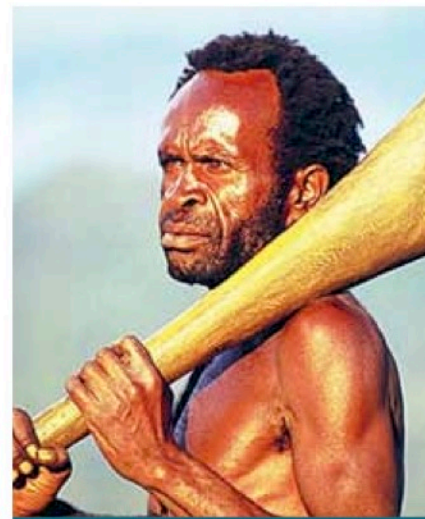

ФОТО АВТОРА

ШТРИХИ

Коровай строят жилища из пальмовых листьев на верхушках деревьев и живут подобно обезьянам. Аборигены верят, что на высоте они надежно защищены от злых духов, обитающих на земле. Вторая причина строительства домов на деревьях – это каннибализм. В любой момент могут напасть короваи из другого племени, чтобы полакомиться человечинкой. Поэтому в поднебесном «пентхаусе» всегда имеются копье, лук и стрелы.

даю, как ловко она взбирается по длинной жерди с зарубками, при этом в сетке на спине несет подсвинку и держит подмышкой младенца. Я собираюсь с духом и трудом преодолеваю первый отрезок по шаткой лестнице. Дальше надо карабкаться по вертикальной жерди с зарубками, куда не помещается ступня. Молю только о том, чтобы хлипкая жердь не сломалась под тяжестью европейца!

Наконец, усаживаюсь передохнуть на «террасе», весь в поту не столько от физических усилий, сколько от страха сверзнуться с головокружительной высоты. Сверху хорошо виден беспорядок, характерный для временного становища. К ближайшей речке не протоптана даже тропинка, болота подступают к самой деревне. А между толстыми стволами с хижинами наверху, как и между редкими наземными постройками, валяется мусор – пожелтые листья, кожура плодов, какие-то щепки и ошметки.

По пояс обнаженная женщина сожарельем из собачьих зубов стряпает еду. Огонь разожжен прямо в хижине, на толстой глиняной подложке – чтобы плетеный пол не загорелся. В закутке хрюкает свинья, на которую ворчит шелудивый пес. Даже странно, что маленький ребенок спокойно лежит и не заходится плачем. В углу стоит пучок стрел с наконечниками разной формы и из разного материала.

Как долго еще продержатся отставшие от поезда истории аборигены? К сожалению, их судьба предрешена. Политика ассимиляции приводит к тому, что туземцы теряют способность жить самостоятельно и становятся изгоями, полностью зависимыми от государственной помощи.

Лауреат Нобелевской премии по литературе 2010 года, публицист и политик, перуанец Марио Варгас Льюса говорил: «Если бы мне пришлось выбирать между сохранением культуры индейцев и их полной ассимиляцией, тоя бы с глубоким сожалением выбрал интеграцию индейских общин, потому что главным приоритетом является борьба с голодом и нищетой...»

Но сегодня многие антропологи придерживаются иного мнения: следует предоставить туземцев самим себе, чтобы они максимально долго существовали так, как прежде. Сохраняя неповторимое многообразие истории человеческой цивилизации. И со временем сами решали, устанавливать с нами контакты или нет. ■